

Брос нарративов в информационное поле боя

Сьюзен Уолдмен, Шон Гавел

Управление НИОКР МО Канады, <https://www.canada.ca/en/defence-research-development.html>

Аннотация: Давно очевидно, что борьба в информационном поле влияет на итоги борьбы физической. В нашу эпоху войны нарративов в серой зоне, идущей в социальных сетях, влияние нарратива только возрастает. Существующие нормы удерживают вооружённые силы демократических стран от разработки информационных приёмов, допустимых в авторитарных странах – с применением фейков, сокрытия своих действий и других форм введения в заблуждение. Чтобы состязаться на полях информационной войны, вооружённые силы демократических стран должны усилить свои возможности по распространению правдивой, приближенной к реальному времени, полной информации о военной деятельности с реальными, основанными на ценностях установками, основанными на вековых формулах, для широкой общественности и целевых аудиторий.

Ключевые слова: нарратив, стратегическая коммуникация, информационные операции.

Вступление

NATO и её страны-участницы вот уже почти 10 лет отмечают важность разработки и продвижения стратегических нарративов, ибо действия на информационном фронте влияют на результат на реальных фронтах.¹ Обеспечивая единство восприятия сторон, действий, мотивов и обстоятельств внешней и военной политики и практики, нарративы влияют на восприятие политики и практики стратегическими противниками и союзниками, а также

¹ Steven R. Cornyn, "NATO Strategic Comm and Narrative in Afghanistan," *COMOPs Journal*, June 21, 2012, <https://csc.asu.edu/2012/06/21/nato-strategic-comm-and-narrative-in-afghanistan/>.

аудиторией, среди которой эти игроки ищут согласие, поддержку и сторонников.²

Борьба нарративов обострилась в последние 20 лет из-за появления соцсетей и распада институтов формирования консенсуса.³ Сегодня каждое событие или ситуацию в мире окружает какофония нарративов, поскольку разные игроки и группы подают событие или ситуацию по-своему. В этой схватке дискурсов те, у кого нет информации от первоисточника, подвергаются воздействию конкурирующих нарративов других игроков и групп (большинство из которых тоже не имеют такой информации), в результате чего событие или ситуация соответствует неким заранее заданным базовым нарративам о мироустройстве, а также нарративам о разных игроках и проблемах. Конкуренентоспособность нарратива в этом контексте означает способность создавать более убедительные связи между элементами информации, которые служат цели продвижения нарративов для получения стратегической выгоды.

Хотя некоторые участники борьбы нарративов верят в то, что они говорят, конкуренцию нарративов могут использовать и часто используют противники, стремящиеся продвигать и поддерживать некие версии событий лишь потому, что они отвечают их интересам. Такие игроки используют созданные нарративами ассоциации как действенный психологический метод, ослабляющий способность и волю к самостоятельному когнитивному познанию. По сути, они используют новости, чтобы вызвать у людей ощущение, что те сразу поняли событие или ситуацию, без необходимости вдаваться в детали. Внедрённый таким образом нарратив называют «конфликтным нарративом», или «войной нарративов», если её организует или ведёт государство в своих интересах против других государств.⁴ Государства и другие структуры ведут войну нарративов посредством «чёрных операций», используя выдуманные или вырванные из контекста истории, фейковые аккаунты, сети ботов, чтобы усилить продвижение нужного нарратива, и троллей, чтобы запугать и в итоге заткнуть рот тем, кто продвигает конкурирующие нарративы.⁵

² Thomas Elkjer Nissen, "Narrative Led Operations," *Militært Tidsskrift* (Danish Military Journal) 141, no. 4 (January 2013): 67-77.

³ Brad Allenby and Joel Garreau, eds., *Weaponized Narrative: The New Battlespace* (Washington, D.C.: Weaponized Narrative Initiative, Center on the Future of War, March 21, 2017), <https://weaponizednarrative.asu.edu/file/272/download?token=kV886rEe>.

⁴ Paul Cobaugh, "A Five-Point Strategy to Oppose Russian Narrative Warfare," *medium.com*, April 25, 2018, <https://medium.com/@paulcobaugh/a-five-point-strategy-to-oppose-russian-narrative-warfare-56e0006aab2a>.

⁵ Anthony Seaboyer, "Social Media Messaging for Influence in National Security," Technical Report DRDC-RDDC-2016-C257 (Toronto, ON: Toronto Research Centre, Defence Research and Development Canada, January 1, 2016), https://cradpdf.drddc.gc.ca/PDFS/unc250/p804652_A1b.pdf.

Хотя война нарративов оказывает мощное политическое и военное воздействие на население, действующие нормы и старые структуры мешают вооружённым силам демократических стран развивать навыки информационной войны, присущие автократичным государствам и их армиям. В то время как придумывание событий и использование придуманных участников и источников информации для распространения фейковых новостей о них этически неприемлемо для демократических стран—по крайней мере в большинстве случаев—остаётся нерешённым вопрос, что могут сделать вооружённые силы демократических стран, чтобы законно и эффективно противостоять в войне нарративов с высокими ставками?

Формирование устойчивости к манипулированию нарративами

Очевидно, что лучший сценарий для демократических правительств – повысить устойчивость аудитории к дезинформации и другим формам манипулирования нарративами. Информирование о дезинформации и повышение медиа-грамотности – важный аспект гражданственности, который военные вместе с другими органами власти должны поощрять внутри страны и за рубежом. Для оказания помощи в этом были разработаны многочисленные ресурсы.⁶ Но учитывая огромную психологическую силу и эмоциональную привлекательность новостей и нарративов, для того, чтобы научить общество распознавать конфликтные нарративы и противодействовать их влиянию, может понадобиться много времени – возможно, поколения.⁷ Поэтому авторы считают, что военным нужно изучить и усовершенствовать другие способы повышения своей конкурентоспособности в информационном пространстве.

Повышение конкурентоспособности нарративов

Повысить эффективность военных в конкуренции нарративов могло бы развитие умения интересней подавать новости. Военные действия часто сопряжены с интересными моментами, способными превратить их в увлекательную историю с высокой драматургией и моралью, экзотической обстановкой и, часто, смелыми и изобретательными героями. Но военные не делают

⁶ See Cherilyn Ireton and Julie Posetti, eds. (UNESCO), *Journalism, 'Fake News' and Disinformation: A Handbook for Journalism Education and Training* (UNESCO, 2018).

⁷ Christoph Eisemann and Christoph Pimmer, "Educational Approaches to Address Fake News: Preliminary Insights from a Systematic Review," in *Proceedings of the IADIS International Conference Cognition and Exploratory Learning in the Digital Age 2020*, ed. Demetrios G. Sampson, Dirk Ifenthaler and Pedro Isaías (Lisbon, November 2020), https://www.researchgate.net/publication/344217167_Educational_approaches_to_address_fake_news_preliminary_insights_from_a_systematic_review.

акцента на этих моментах в своих сообщениях. Видимо, они сохраняют объективно-обезличенный стиль подачи информации, чтобы выглядеть открытыми и избежать обвинений в пропаганде.^{8,9}

Но исследования показывают, что доверие к организации основывается и на других ценностях, таких, как доброжелательность и честность, которые может быть легче передать с помощью более эмоциональных коммуникативных подходов.¹⁰ Кроме того, совершенно нейтральный стиль подачи вряд ли позволит выделиться в борьбе нарративов в соцсетях, освободив место другим, менее принципиальным претендентам на влиятельные роли.

Коротко говоря, если военные хотят, чтобы их отчёт о событиях привлекал больше внимания среди нарративов соцсетей и выглядел более достоверным для аудитории, им стоит изменить подход к коммуникации. Один из предлагаемых путей добиться этого – посмотреть на себя по-новому, превратиться из источника фактической информации для рационального потребления в рассказчиков, предлагающих истории, способные привлечь разную аудиторию на разных уровнях.¹¹

Нарративный интеллект

Первое требование к разработке более действенных нарративов – выработать нарративный интеллект. Информация существует не в вакууме; можно предлагать, менять и адаптировать истории, взятые из более крупных сетей, влияя на культурный дискурс и на умы. Соответственно, чисто нарративный интеллект должен ориентироваться на выявление и понимание тех типов нарративов, к которым уже предрасположена основная аудитория, наряду с историями на военные темы, циркулирующими в данный момент в данной аудитории. Нарративный интеллект – близкий родственник культурного интеллекта, к которому уже давно обращаются военные, чтобы выиграть «сердца и умы» аудитории,¹² он помог бы историям, рассказанным военными, найти отклик среди проблем, интересов и предпочтений аудитории.

⁸ Government of Canada, Treasury Board Secretariat, “Policy on Communications and Federal Identity,” 2019, <https://www.tbs-sct.canada.ca/pol/doc-eng.aspx?id=30683>.

⁹ Robert T. Davis II, “The US Army and the Media in the 20th Century,” Occasional Paper 31 (Fort Leavenworth, Kansas: Combat Studies Institute Press, US Army Combined Arms Center, 2009), <https://apps.dtic.mil/sti/pdfs/AD1118120.pdf>.

¹⁰ Roger C. Mayer, James H. Davis, and F. David Schoorman, “An Integrative Model of Organizational Trust,” *The Academy of Management Review* 20, no. 3 (1995): 709-734, <https://doi.org/10.2307/258792>.

¹¹ Jan K. Hanska, “Narrative Approach to the Art of War and Military Studies: Narratology as Military Science Research Paradigm,” *Journal of Military Studies* 5, no. 1 (June 2014): 1-19, <https://doi.org/10.1515/jms-2016-0186>.

¹² Christopher Paul, Colin P. Clarke, Beth Grill, and Molly Dunigan, *Paths to Victory: Lessons from Modern Insurgencies* (Santa Monica, CA: RAND Corporation, 2013), https://www.rand.org/pubs/research_reports/RR291z1.html.

Хорошей новостью является то, что разрабатываются инструменты на основе искусственного интеллекта, которые смогут находить и группировать нарративы в традиционных СМИ и соцсетях по общим темам, а также настроениям, которые они отражают, и соцсетям, где они популярны.¹³ Структурируя большие объёмы данных публичного информационного пространства, такие инструменты могут помочь военным понять картину нарративов и свою действенную роль в ней.¹⁴ Мы предлагаем использовать пирамидальную модель нарратива, показывающую, что происходит с данными историй, обсуждаемых в разных группах, чтобы облегчить общее понимание предпочтительных нарративов по различным темам и лежащим в их основе главным нарративам, структурирующим их мнения.

Рис. 1: Модель анализа и конструирования нарратива.

Конструирование нарратива

Модель нарратива также может помочь найти и разработать контент, который будет отражать, а иногда и подталкивать мнение аудитории, формируя

¹³ Bruce Forrester, Shadi Ghahar-Khosravi, and Suzanne Waldman, "Machine Learning-Enabled Narrative Search in the Information Environment," MP-SAS-OCS-ORA-2021-AIML-02-4, 15th NATO Operations Research and Analysis Conference, October 18-20, 2021 (Paris: NATO Science and Technology Organization, October 2021), <https://www.sto.nato.int/publications/STO%20Meeting%20Proceedings/STO-MP-SAS-OCS-ORA-2021/MP-SAS-OCS-ORA-2021-AIML-02-4.pdf>.

¹⁴ Suzanne Waldman et al., "Enabling Narrative Sensemaking in the Information Environment: An Evaluation of Commercially-Available Media and Social Media Monitoring and Analysis Tools for Enabling Situational Awareness of Military-Relevant Narratives in the Information Environment," Technical Report DRDC-RDDC-2021-R093 (Toronto, ON: Toronto Research Centre, Defence Research and Development Canada, April 2021).

общую позицию. Самая трудная часть коммуникации при помощи нарративов – создать контент, который содержательно донесёт желаемые нарративы до конкретной реальной аудитории. Нарративы имеют форму утверждений касательно тем («вакцины вреднее, чем болезни, от которых они защищают») или событий («COVID-19 создали в лаборатории»). Аудитория обычно склонна воспринимать нарративы не логически, в форме утверждений, а в виде рассказанных им историй, то есть свидетельств людей, заболевших от вакцины, или слов якобы свидетеля, разоблачающего предполагаемую лабораторию. Поэтому самые действенные рассказчики в первую очередь передают не сами нарративы, а истории и события, подтверждающие эти нарративы.

Поскольку многие военные уже привержены стратегическим нарративам, они вполне могут преуспеть в этом виде коммуникации, имея волю и навыки для этого. Общеизвестная истина стратегической коммуникации состоит в том, что военные операции нужно объяснять и оправдывать стратегическими нарративами.¹⁵ Однако военным нужно больше думать о том, как действенно донести стратегические нарративы до аудитории посредством рассказа или истории, которые сделают эти нарративы значимыми и убедительными. Мы предлагаем три основных взаимосвязанных средства, с помощью которых военные могут добиться эффекта от нарратива: (1) рассказывая о ситуациях и интерпретируя их через нарративы; (2) действиями, подтверждающими нарративы; и (3) сообщениями о своих действиях, показывающими их соответствие.

Использование эффектов нарратива

Рис. 2: Три модели использования эффекта нарративов.

¹⁵ NATO MC 0628 (Final), “NATO Military Policy on Strategic Communications,” July 26, 2017.

Стратегия или операция, использующая нарратив, должна быть спланирована так, чтобы легко переходить от одного средства к другому при использовании коммуникационных возможностей для донесения истории до аудитории, показывая ей, что происходит, вместе с решением, реалистично воплощая это решение в активные действия, а затем в деталях объяснить аудитории, как эти действия привели к желаемым результатам.

Переходя к тому, как создавать истории, являющиеся ключевым элементом этого цикла, теоретики историй («нарративисты») говорят нам, что впечатляющая история — это не просто описание событий.¹⁶ Хорошая история имеет как минимум четыре элемента: *Сюжет*, помещающий нарратив в пьесу и предопределяющий развитие событий – штиль перед бурей, или тьма перед рассветом; *Архетипы* – шаблонные, структурно противоположные персонажи действия; *Образность*, делающая ситуацию осязаемой для аудитории; и *Ценности*, которые реально укрепляют или защищают. Хорошо тут то, что военные истории, как правило, драматичны, сопряжены с высокими ставками и по своей сути имеют эти четыре элемента. Тем не менее историю нужно придумать и преподнести, чтобы лучше раскрыть эти черты, превращая военные события в захватывающую историю с убедительными персонажами и реалистичным сюжетом, со взлетами и падениями, перипетиями и поворотами.

Если нет непосредственного участия в боевых действиях, хороший сюжет предполагает выход за рамки статических изображений военной техники, которыми изобилуют военные соцсети. Вместо этого военные должны постоянно напоминать, где они видят себя в более широком «сюжете» стратегических задач. Как военные защищают или продвигают ценности, от чьего имени, с какой целью? Теория литературы учит, что два основных сюжета, лежащих в основе действия – это комедия и роман, или, соответственно, сохранение в целом хорошей ситуации, несмотря на шероховатости, и превращение в целом плохой ситуации в хорошую путём радикального очищения.¹⁷ Тип операций, в которых участвуют военные, можно убедительно описать, используя шаблонные черты такого рода сюжетов. В комедиях обычно присутствуют узнаваемые персонажи, остроумные друзья и интриги, с унижительным разоблачением злодеев, а в романах мы чаще видим более неоднозначных героев, непредсказуемые и опасные поиски и конфликты, драматические и резкие повороты сюжета.

Для историй тоже нужны герои, которых можно сравнительно однозначно соткать из текста и образов отдельных бойцов, как архетипных персонажей, участвующих в захватывающих боях для достижения важных це-

¹⁶ Mark A. Finlayson and Steven R. Corman, “The Military Interest in Narrative,” *Sprache und Datenverarbeitung* 37, no. 1-2 (2013): 173-191, https://users.cs.fiu.edu/~markaf/doc/j2.finlayson.2013.sdv.37.173_archival.pdf.

¹⁷ Northrop Frye, *Anatomy of Criticism: Four Essays* (Princeton University Press, 1957), <https://doi.org/10.2307/j.ctvct0080>.

лей. Называть этих избранных участников по имени не обязательно, но полезно, чтобы вызвать «парасоциальное отношение» аудитории, и важно для формирования её сопричастности и лояльности.¹⁸ Как уже говорилось, особенно симпатичные или привлекательные люди становятся отличными героями комедии, а более настойчивые или интеллектуальные участники создают образы для романов. Создание негативных архетипов может быть более сложным, поскольку существует понятная политическая сдержанность в отношении имен злодеев «ниже порога». Тем не менее для достижения драматизма следует хотя бы намекнуть на присутствие опасных игроков, оправдывающих военные действия.

Все эти характеристики иллюстрирует следующее фото, удачно найденное в твиттере «Great Military Pics». На фото явно присутствует *Сюжет* – отражение угрозы; *Архетип* защитника невинных; *Образность* в использовании оружия как рубежа «между двух огней»; и *Ценности* безопасности и отсутствия террора. Хотя не каждый военный твит столь драматичен, тут мы видим пример медийной *реакции* и запоминающегося контраста, к которому следует стремиться военным в своих историях.

Рис. 3: Из аккаунта в твиттере «Great Military Pics», 2013 (источник неизвестен).

¹⁸ Riva Tukachinsky, Nathan Walter, and Camille J. Saucier, “Antecedents and Effects of Parasocial Relationships: A Meta-Analysis,” *Journal of Communication* 70, no. 6 (December 2020): 868-894, <https://doi.org/10.1093/joc/jqaa034>.

Пример: Светлана Тихановская

Как можно заключить из фото выше, наилучший рассказ на военно-политическую тему связан с максимальным использованием реальных обстоятельств, транслируя захватывающие и важные события, рассказывая, как эти события связаны с ценностями, и показывая интересных, выразительных реальных людей, способных создать образы, которые привлекут аудиторию.

Свежим примером захватывающей политической истории с высокими ставками, яркими характерами и сюжетом стала история белорусского лидера в изгнании Светланы Тихановской. В 2020 г. Тихановская баллотировалась в президенты «по любви»—после того, как её мужа арестовали за такие планы—чтобы вызволить его из тюрьмы. Проиграв официальное голосование, Тихановская бежала в Литву, чтобы заручиться поддержкой, как законный лидер Беларуси в изгнании. В Европе и странах НАТО её восприняли как селебрити, возможно, отчасти потому, что её история возродила классический комедийный (но не смешной) сюжет, восходящий к римскому периоду, где отважные молодые люди борются с угасающим старым тираном, чтобы построить мир, в котором они смогут свободно любить.

Рис. 4: Твит Светланы Тихановской от 7 августа.

Эта история также показывает, как для создания впечатляющей истории используют классические персонажи – «архетипы». Симпатичная Тихановская хорошо подходит на роль интересной, активной героини комедии, изъ-

ясняющейся в социальных сетях простым эмоциональным языком и говорящей о вещах, важных для каждого. Напротив, действующего президента Лукашенко легко изобразить тупым коррумпированным тираном, еще одним архетипным персонажем римской комедии.¹⁹

Как и следовало ожидать, анализ соцсетей показывает, что большая часть драмы в этой истории возникла из-за абсурдных посягательств режима Лукашенко. В их числе – посадка иностранного самолета, чтобы арестовать пару молодых активистов, и давление тренеров на Олимпийских играх на легкоатлетку, чтобы та вернулась домой и ответила за откровения в соцсетях, что заставило её сбежать в аэропорт, где она умело воспользовалась Telegram и Google Translate. Данные социальных сетей также показывают, что эти действия не стали известны сами по себе, а были умело использованы предвыборной командой Светланы Тихановской для достижения международного резонанса.

Хотя нельзя быть уверенным, что события в Белоруссии закончатся традиционно для комедии – обществом всеобщего благоденствия, где молодые люди смогут любить свободно²⁰ – историю умело преподносят, чтобы побудить стратегическую аудиторию в мире стремиться к этому финалу.

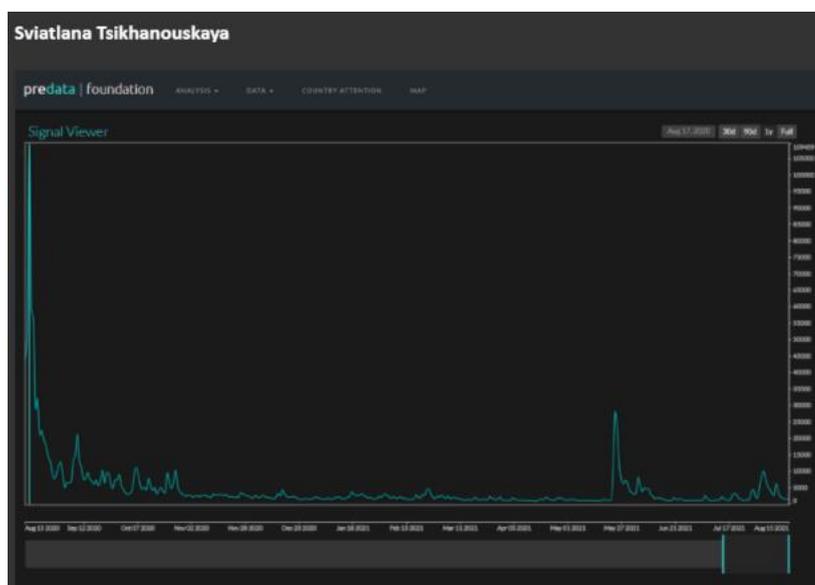

Рис. 5: Результаты поиска на платформе Predata, показывающие пик внимания к Светлане Тихановской в 2021 г. в день, когда режим Лукашенко посадил самолёт RyanAir, выполнявший рейс 4978.

¹⁹ Frye, *Anatomy of Criticism*.

²⁰ Frye, *Anatomy of Criticism*.

Заключение

Совершенствование нарративистских возможностей потребует от военных развития ряда взаимосвязанных умений. К ним относится умение найти и донести историю, включающую сюжет, характеры и образы, и рассказать её голосом реального человека, используя методы коммуникации, способствующие её органичному донесению до ключевой аудитории.

Эти возможности также включают возможности разведки и анализа на основе открытых источников для понимания культуры нарративов аудитории в инфопространстве, включая главные нарративы, избранные сюжеты и характерные истории, выражающие её мировоззрение и устремления. Например, комедии, подобные той, которую играет Светлана Тихановская, обычно нравятся оптимистам-прогрессистам, которые верят, что проблемы решатся сами собой, если только устранить корыстные мотивы. Другим примером такого оптимистичного и прогрессивного лидера является Грета Тунберг, молодая защитница окружающей среды, которая выступает за ослабление влияния компаний, использующих ископаемые виды топлива, чтобы помочь развитию ветровой и солнечной энергетики. Не случайно Тунберг присутствовала на митинге в поддержку Тихановской в мае прошлого года в Швеции, тем самым поддержав дело белорусского сопротивления в своих сетях. Военные и другие ведомства могут поучиться тому, как нужно эффективно использовать влиятельных сторонников.

Компетентность в нарративах также предполагает понимание конкурирующих нарративов и умение предвидеть последствия. В отличие от относительно беззаботных комедийных нарративов, любимых оптимистами, изолированные сообщества и людей – революционеров и заговорщиков – обычно привлекают более мрачные романтические нарративы о неоднозначных героях, решившихся проникнуть «в пасть зверя» – власть элиты – и поразить его.²¹ Такие жестокие романтические нарративы можно обнаружить в основе многих темных политических фантазий, окружающих нас, которые время от времени воплощаются в жизнь в реальном мире. Более того, как показывают приведенные выше данные Predata, действия собственной стороны могут больше всего усилить нарративы противников. Чтобы не подыгрывать романтическим историям врагов о простых людях, противостоящих коррумпированной элите, армия и другие институты могли бы отказаться от привычных бюрократических фото рукопожатий и встреч лидеров. Вместо этого им следует обратить внимание в своих нарративах на повседневных героев внутри и за пределами своей организации, которые демонстрируют ценности искренности и доброжелательности, необходимые для доверия.²²

²¹ Frye, *Anatomy of Criticism*.

²² D. Harrison McKnight and Norman L. Chervany, "What is Trust? A Conceptual Analysis and an Interdisciplinary Model," in *Americas Conference on Information Systems, AMCIS 2000 Proceedings*, 382, <https://aisel.aisnet.org/amcis2000/382>.

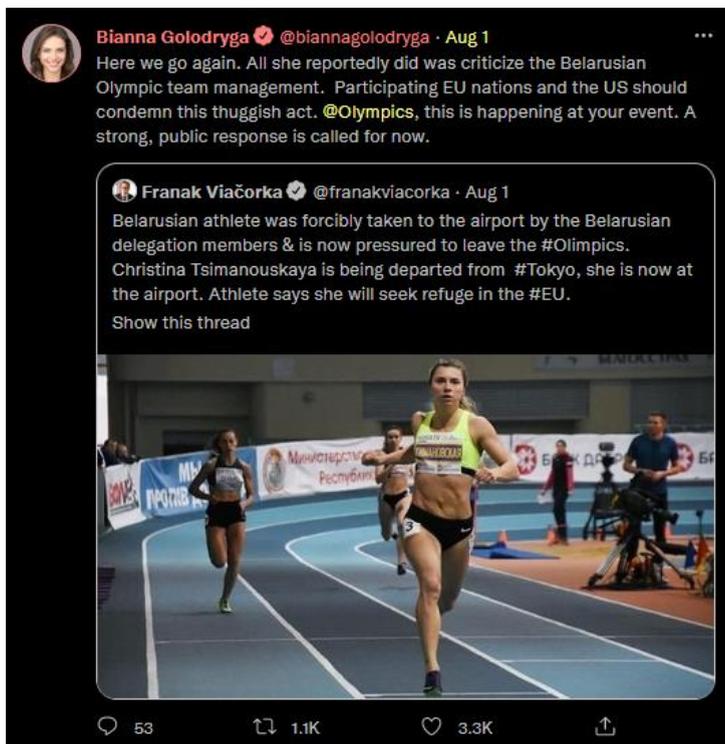

Рис. 6: Твит журналистки CN Бианны Голодрыги, позаимствованный из твиттера старшего советника Светланы Тихановской, о преследовании белорусским режимом участницы Олимпийских игр, спринтера Кристины Тимановской, 1 августа 2021 г.

Но понимание нарративов, которое нужно в первую очередь усвоить военным институтам, заключается в том, как в целом подаётся применение силы. Командиры, планирующие операции, должны понимать, что истории, которые расскажут об их действиях, повлияют на гораздо больше людей, чем их оружие. Операторы должны понимать, что злоумышленники неизбежно будут использовать ошибки в их действиях. Коммуникаторам нужно понимать, что интересный сюжет, узнаваемые персонажи и простой язык нравятся всем. Напротив, посты, посвященные снаряжению и написанные жаргоном, не затронут почти никого, кроме самой организации, усиливая культурную изоляцию, вместо того, чтобы искать выход за её пределы для продвижения военных ценностей. В «старую-новую» эпоху нарративов никто не откажется рассказать свою историю или узнать историю, которую могут рассказать о нём.

Примечание

Представленные здесь взгляды принадлежат исключительно авторам и не выражают официальную позицию Консорциума военных академий и институтов изучения проблем безопасности программы «Партнёрство ради мира», организаций-участниц или издателей Консорциума.

Благодарность

Connections: The Quarterly Journal, Vol. 21, 2022, вышел при поддержке правительства США.

Об авторах

Сьюзен Уолдмен – научный работник Управления НИОКР МО Канады.
Электронная почта: suzanne.waldman@ecn.forces.gc.ca

Он Гавел – стажёр Управления НИОКР МО Канады.
Электронная почта: sean.havel@ecn.forces.gc.ca